

Айрян Заруи Геворковна

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ИСКУССТВА ИРИНЫ СНЕГОВОЙ

Статья посвящена освещению переводческих принципов русской поэтессы Ирины Снеговой, которая внесла большой вклад в развитие русско-армянских литературных взаимосвязей. И. Снегова следовала в своих переводах характеру оригинала, его интонации. Она входила в мир переводимого поэта, дышала его воздухом, жила его чувствами. Особенно были близки Снеговой стихотворения Ованеса Шираза, его проникновенные стихи о родине, о матери, о любви. В статье рассматриваются переводы И. Снеговой из поэзии Ов. Шираза и В. Давтяна, которые выделяются особой эмоциональной окраской, знаменуя собой образцы высокой поэзии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/3/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (7). С. 18-21. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.03

Статья посвящена освещению переводческих принципов русской поэтессы Ирины Снеговой, которая внесла большой вклад в развитие русско-армянских литературных взаимосвязей. И. Снегова следовала в своих переводах характеру оригинала, его интонации. Она входила в мир переводимого поэта, дышала его воздухом, жила его чувствами. Особенно были близки Снеговой стихотворения Ованеса Шираза, его проникновенные стихи о родине, о матери, о любви. В статье рассматриваются переводы И. Снеговой из поэзии Ов. Шираза и В. Давтяна, которые выделяются особой эмоциональной окраской, знаменуя собой образцы высокой поэзии.

Ключевые слова и фразы: поэзия; перевод; оригинал; литературные связи; рифма; интонация; мастерство переводчика.

Заруи Геворковна Айрян, к. филол. н., доцент

Кафедра «Общественные науки»

Российский государственный университет туризма и сервиса, Ереванский филиал

nerses91@rambler.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ИСКУССТВА ИРИНЫ СНЕГОВОЙ[©]

Ирина Снегова (1922-1975) была большим другом Армении, армянской поэзии, которую она переводила любовно, самоотверженно. Помимо переводов, И. Снегова посвятила ряд проникновенных стихотворений Армении, ее народу. Стихи об Армении, переводы И. Снеговой с армянского - одна из самых ярких страниц в истории взаимосвязей русской и армянской литературы. В своих воспоминаниях И. Снегова писала: «Наверное, это правда, что все начинается в юности, все из нее, пристрастия, способности, привязанности. И дружба. То, которым так советовали нам запастись в эту самую «дорогу жизни» и без которого мы и в самом деле были бы так бедны. Как я вспоминаю начало, исток своих литературных дружб, я снова как бы вхожу в наш старый Литературный институт, в маленький герценовский особняк на Тверском бульваре. Конец войны. Холодно. В узких закоулках коридоров - не протолкнешься. Еще теснее оттого, что - шинели, пальто, платки... Сначала гул общий. А погода различаешь в нем разноголосие и разноязычие. Видишь разноликость и разноименность, разность и общность. Худенький в неснимаемой папаше Расул Гамзатов, красивый и ярко - черный Отар Челидзе, а рядом - как бы особенно высветленный - Солоухин.

Вот отсюда оно все и пошло. Мы были юными и тоненькими. Мы все писали стихи. Мы начинали рядом, все, каждый свою, и всеобщую литературную судьбу...» [3, с. 85].

Первый приезд в Армению был значителен для поэтессы, который навсегда связал ее творческую судьбу с армянской литературой. Она не раз его вспоминала, какое чувство она испытала, когда впервые посетила озеро Севан, Гарни, Гегард, Матенадаран и другие достопримечательности. В своем дневнике И. Снегова писала: «Помню первый дальний полет в Армению, открывшуюся под крылом картину. И как перехватило дух от невиданного и древнего. И студенность высокогорности, и особенный вкус воды. А две белые головы магического Арарата, который является, когда хочет и кому хочет. Не захочет - и в месяц не выйдет из туч... Убеждена: есть земли, как бы сужденные нам, с которыми вступаешь в долгие, порой нелегкие отношения» [Там же].

В Армении Снегову в первую очередь покорили и очаровали люди, такие гостеприимные и доброжелательные. Поэтесса сразу же почувствовала их. Она видит их, говорит и советуется с ними, нередко спорит, порою осуждает, но главное в том, как пишет литературовед А. Салахян, что Кавказские горы - великаны не заслонили от взора поэтессы человека, и в ней самой - не подавили человека! И потому, когда читаешь ее стихи об Араратской долине или Севане, об армянских песнях, то чувствуешь, что всего дороже ей - люди, друзья, современники, с которыми можно вести откровенный разговор о любви, о жизни, о завтрашнем дне. И поэтесса ведет этот разговор с присущей ей сердечностью и теплотой.

Не осталась без внимания русской поэтессы и армянская живопись. Бывая в Армении, Снегова неоднократно посещала национальную картинную галерею, где любила долго стоять перед каждой картиной, вникать в ее суть, ощущать колорит армянских красок. Об этом свидетельствуют ее стихи, посвященные армянским художникам и их полотнам. Таково, например, стихотворение «Сарьяну», где Снегова восхищается картинами великого художника. Ей кажется, что «краски с ума сошли», что они так и «кричат с картины, бунтуют». У поэтессы захватывает дух, когда она ощущает теплоту солнечных лучей с картины Мастера, как тянутся к ней листья, как «рвутся ручки». Ей кажется, что все эти полотна написаны не кистью, а к ним примкнул солнечный луч и все это изобразил сам.

Интересно стихотворение «Я люблю художников Армении...», где поэтесса с восторженным чувством говорит о «праздничных жарких полотнах...» [2, с. 28].

Я люблю художников Армении
Праздничные жаркие полотна -
Красный камень, желтокожий персик,
И Севан, как поддоженный спирт.
Я люблю их. И уйдя, я долго
Все еще держу перед глазами
Яркость их. И радуюсь ей долго...

В стихах об Армении И. Снегова искала свой идеал простой, естественной красоты. И. Снегова была большим знатоком армянской поэзии, которую она бережно и трепетно переводила. Она ввела в русскую поэзию многих армянских лириков: Паруйра Севака, Ов. Шираза, Геворка Эмина, Маро Маркарян, Гегам Сарьяна и многих других. И. Снегова переводила также из зарубежной армянской поэзии. Среди этих переводов - стихотворения Гарника Аздаряна, Ваге Ваняна, Джозефа Ханджяна и других.

«Одним из первых армянских поэтов, которых я стала переводить, была Сильва Капутикян. Прямая, умная и смелая, она привлекала открытостью души, взволнованностью стиха, - писала И. Снегова, - непрерывно выделялись тогда и широко прозвучали тревожные ей, лирические строки о любви» [3, с. 88].

В творчестве И. Снеговой большое участие приняла поэтесса Вера Клавдиевна Звягинцева, которая сумела передать тогда молодой поэтессе свою любовь к Армении.

И. Снегова следовала в своих переводах характеру оригинала, его интонации. Она входила в мир переводимого поэта, дышала его воздухом, жила его чувствами.

Особенно были близки И. Снеговой стихотворения Ованеса Шираза, его проникновенные стихи о родине, о матери, о любви. Поэтесса перевела целый цикл стихотворений Ованеса Шираза, среди них: «Касаясь подножьем», «Лирика! Жить ей и жить века», «Снег плачет», «Ты прости меня, мать», «Одноклассница», «Мальчик, мотылек залетный мой», «Однажды могучие тучи решили...» и другие.

Характеризуя переводческое искусство, литературовед Л. Мкртчян отмечал, что переводить хорошие стихи хорошими стихами - с этого и надо начинать разговор верности и точности. Указывая на сложности переводческого труда, Л. Мкртчян писал: «Часто при переводе теряются именно эти «скрытые кадры», и перевод, очень похожий на подлинник, оказывается далеким от него... Талантливые переводчики разгадывают это чудо и переносят его в перевод» [1, с. 128].

Аналогичное суждение, в свое время, высказал также Е. Эткинд, который в книге «Поэзия и перевод» отмечал, что искусство поэтического перевода - в большей степени искусство нести потери и допускать преобразования. Не решаясь на потери и преобразования, нельзя вступать в единоборство с иноязычной поэзией. Об этом он писал: «Нам важно показать, как свободное владение материалом позволяет поэту - переводчику, отходя, казалось бы, очень далеко от текста подлинника, приблизиться к нему вплотную» [5, с. 68].

Особенно удался И. Снеговой перевод стихотворения «Касаясь подножьем весенней земли...». Работая над переводом, Снегова строго придерживалась подлинника, ее перевод согрет личным отношением и стремлением сохранить идею подлинника нетронутой [4, с. 21]:

Касаясь подножьем весенней земли,
Он купол свой поднял за облако синее,
И тени на снег Арарата легли;
Чем выше его голова - тем красивее.

Поэт, к высочайшим вершинам стремись,
Будь честным и мудрым, гордись своей силою;
Чем дальше напевы твои разнеслись,
Чем звонче, чем выше они, - тем красивее...

И. Снегова, работая над переводами, всегда придерживалась следующего принципа: «Переводить надо не букву, а мысль, чувство и обаяние стиха, и переводить средствами того языка, на который переводим, чтобы переведенное стихотворение становилось фактом той поэзии, на язык которой переводится...» [3, с. 90].

С большим переводческим мастерством И. Снеговой удалось воспроизвести на русском языке и те стихотворения Ов. Шираза, которые имеют глубокий аллегорический смысл, выделяющие самобытный поэтический почерк поэта. Ярким примером тому может послужить перевод стихотворения «Однажды могучие тучи решили», в котором столкновение могучих туч и яркого солнца имеет индифферентный смысл, раскрывающие глубину философских мыслей и чувств поэта. В переводе, помимо смысла и стиля, И. Снегова передала и чувства поэта, его оптимизм и веру в то, что в жизни всегда побеждает светлое, несущее с собой добро, любовь и свет.

Переводчица, посредством своих переводов, смогла передать также особенности пейзажной лирики поэта, где он с ликованием переживал обновление природы. Ярким примером тому может послужить стихотворение «Снег плачет - то зима к концу идет», в котором поэт с чувством радости встречает приход весны, победоносно шествующей вперед [4, с. 132]:

Снег плачет - то зима к концу идет,
А по размокшим рощам и лугам
Победно шествует весна вперед.
Завидую я гибнущим снегам -
Они весну рождают каждый год (перевод И. Снеговой).

В своих переводах из поэзии Ов. Шираза, И. Снегова на самом высоком уровне переводческого искусства воссоздала и передала поэтическую индивидуальность выдающегося армянского поэта, которая на русском языке звучит созвучно подлинникам.

Углубляясь в пласты армянской поэзии, раскрывая ее сущность, новизну и самобытность, И. Снегова не могла не оценить и без должного внимания оставить и поэзию Ваагна Давтяна, творчество которого раскрыло новую страницу в армянской литературе XX века.

Богат и своеобразен поэтический мир В. Давтяна. Его волнуют философские проблемы бытия. В поисках ответа на вечные вопросы жизни поэт пристально вглядывается в окружающий мир, раскрывая при этом взаимосвязь всего сущего на земле и связь их со вселенной.

Поэзия В. Давтяна, отразившая в себе самые светлые, яркие краски жизни, стала излучать и распространять истинную красоту, дарующую людям свет и добро.

Первый поэтический сборник В. Давтяна на русском языке вышел в свет в 1947 году, под названием «Первая любовь». В него вошли переводы таких русских поэтов как В. Звягинцева, М. Максимова, Е. Николаевская, И. Снегова и других. В сборник вошли такие популярные стихотворения В. Давтяна как «Песня Армении», «Седые камни», «Армянскому народу», «Пейзаж», «Мое сердце» и другие, которые были высоко оценены как русскоязычными читателями, так и литературной критикой. Впоследствии друг за другом на русском языке были изданы книги «Утро мира» (1950), «Дорога через сердце» (1953), вторая редакция этой книги - 1960 г., «Лирика» (1956), «Свет как хлеб» (1981), «Сказание о любви» (1984) и другие. Среди многочисленных переводов из вышеперечисленных книг, невозможно не оценить переводы И. Снеговой, которые под пером талантливой поэтессы нашли свое второе рождение и на русском языке. Среди наиболее удачных ее переводов выделим следующие: «Седые камни», «В поезде», «Садовник», «Кремлевские звезды», «Песня о доме», «Поэт», «Апрель» и другие.

Стихотворение «Поэт» В. Давтян посвятил памяти В. Терьяна, который прожил «с неистребимой нежностью мечты...». Перевод И. Снеговой и по смыслу, и по настроению близок к оригиналу, в котором грусть поэта одновременно переплетается с оптимизмом самого В. Давтяна, что, в свою очередь, придает ему особую эмоциональную окраску.

Оптимизм В. Давтяна проявляется и в стихотворении «Седые камни», в котором он воссоздал колорит древней Армении, образ армянского мастера, изображающего на тысячелетних скалах гроздь винограда, как символ мира и вечной красоты, передавая при этом, свое мастерство из поколения в поколение. В переводе И. Снеговой патристические чувства армянского поэта звучат гордо и искренне, не уступая подлиннику.

В своем переводе И. Снегова блестяще показала поэтологию армянина, его трудолюбие и упорство, благодаря которым он смог выжить и победить своих врагов не одно столетие. Перевод близок к оригиналу не только своим смыслом, стилем, но и оптимизмом, который является неотделимой чертой армянского характера. Неоспоримым достоинством перевода является также поэтический язык русской поэтессы, сотканный из множества ярких метафор, которые, сменяя друг друга, придают особый фон описанию.

Благодаря переводам И. Снеговой и других русских переводчиков, русскоязычный читатель не только познал Армению, но и полюбил и воодушевился ее прекрасной поэзией. Переводы И. Снеговой глубоко прочувствованы, они достойно переведены на русский язык. Являясь образцами вольных переводов, они свидетельствуют о поэтическом вкусе и таланте поэтессы. Высоко оценивая переводческое искусство русских поэтов-переводчиков, литературовед Л. Мкртчян писал: «Известно, что поэзию интеллектуальную переводить легче, нежели поэзию чувств, где многое значит «мелочи», оттенки. «Есть речи-значенье / Темно и ничтожно, / Но им без волненья / Внимать невозможно» (Лермонтов). Такие вот стихи переводить очень трудно. Перевел бы и адекватно, и точно, а волнение (неизбежность волнения) пропадает, остается одно значение (логическое) без чуда поэзии. И ты уже стихам не веришь...» [1, с. 122].

Ярким подтверждением высказыванию Л. Мкртчяна могут послужить и переводы И. Снеговой, которые выделяются особой эмоциональной окраской, знаменуя собой образцы высокой поэзии.

Список литературы

1. Мкртчян Л. Н. Если бы в Вавилоне были переводчики. Ереван, 1987. С. 228.
2. Снегова И. А. Дороги сердца. Ереван: Армгосиздат, 1963. С. 78.
3. Снегова И. А. Как бы там ни было... М.: Советский писатель, 1978. С. 85.
4. Шираз Ов. Лирика. Ереван: Советакан грох, 1986. С. 232.
5. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. М.: Советский писатель, 1963. С. 300.

THE MAIN PRINCIPLES OF IRINA SNEGOVA'S INTERPRETATION SKILL

Zarui Gevorkovna Ayryan, Ph.D. in Linguistics, Associate Professor

Department of Social Sciences
Russian State University of Tourism and Service, Branch in Yerevan (Republic of Armenia)
nerses91@rambler.ru

The article is devoted to the coverage of translation principles of the Russian poetess – Irina Snegova who made a great contribution into the development of Russian-Armenian literature interconnections. I. Snegova followed the character of an original and its intonation while translating. She lived in the world of the poet whose verses she had been translating; she followed the feelings of the poet. She admired the sincere verses of Ovanes Shiraza about motherland, mother and love. In this article I. Snegova's translations of O. Shiraza's and V. Davtyan's poetry are considered as they are marked by emotional nuance and are the samples of the lofty poetry.

Key words and phrases: poetry; translation; original; literature interconnections; rhyme; intonation; interpretation skill.

УДК 821.161.1-155

Статья раскрывает становление жанра дружеского послания как программного жанра русской дворянской поэзии 1790-х - 1820-х годов. Берущее свое начало из литературного диалога Екатерины II и Г. Р. Державина о частной жизни дворянина, послание в пост-екатерининскую эпоху отразило личностную независимость и дворянской личности и сообщества в усадебном мире. Ярким проявлением дворянской независимости стало свободное поэтическое перенесение в волшебном сказочный мир, заданное сказочным зачином в державинской «Фелице».

Ключевые слова и фразы: жанр дружеского послания; литературный диалог; дворянин-поэт; самоирония; эпикурейство; фантазия; мечта.

Татьяна Ивановна Акимова, к. филол. н., доцент
Кафедра русской и зарубежной литературы
Мордовский государственный университет
akimova_ti@mail.ru

«ПАМЯТЬ» О ЛИТЕРАТУРНОМ ДИАЛОГЕ ЕКАТЕРИНЫ II И Г. Р. ДЕРЖАВИНА
В ДРУЖЕСКОМ ПОСЛАНИИ КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XIX ВЕКА[©]

Как известно, «Фелица» (1782) Г. Р. Державина явилась литературным ответом Екатерине II на послание в сочинённой ею «Сказке о царевиче Хлоре» [5], адресованное к освобождённому царицей дворянству. Так, косвенно «Фелица» высвечивала одический фундамент «Сказки о Хлоре», эпически объединяющего собою народ. В то же время образ автора «Фелицы» объединял ряд конкретных придворных персон, которые, в свою очередь, символизировали народ, подлежащий царскому воспитанию: «Таков, Фелица, я развратен! / Но на меня весь свет похож...» [4, с. 36] (здесь и далее курсив мой - Т. А.). Однако образ автора внутренне един. Часть «прихотей» очевидно принадлежала самому поэту:

...Преображая в праздник будни, / Кружу в химерах мысль мою...

...Иль сидя дома я прокажу, / Играю в дураки с женой;

То с ней на голубятню лажу, / То в жмурки резвима порой;

То в свайку с нею веселюся, / То ею в голове ищуща;

То в книгах рыться я люблю, / Мой ум и сердце просвещаю,

Полкана и Бову читаю; / За Библией, зевая, сплю... [Там же].

Описание же прочих «прихотей» - сна «до полудни», кофе и табака, «прельщения нарядом», «пира пребогатого», загородных выездов с «младой девицей», конных скачек, охоты, кабаков («шинков») и пр. [Там же, с. 35-36] - по своей эмоционально-стилистической окраске абсолютно подобно тому, что реально присуще автору «Фелицы».

Державин обращается к царице как от своего имени, так и от имени всего дворянства. Внешне Державин противопоставляет свое сибаритство царскому трудолюбию и скромности:

...Мурзам твоим не подражая, / Почасту ходишь ты пешком,

И пища самая простая / Бывает за твоим столом;

Не дорожа твоим покоем, / Читаешь, пишешь пред налоем...

Подобно в карты не играешь, / Как я от утра до утра.